

* * *

Как убыл день. Скорей бы снег.
Он чуть повысветлит дорожки...
Я тороплюсь к тебе, мой свет,
Мой свет единственный в окошке.

Миную мокрый тёмный сад –
Так скоро листья отлетели!
Ты ждёшь – уже недолго ждать –
Весёлый посвист свиристелей.

Оставил птицам поклевать
Рябину, яблони-дикарки,
Всю зиму будет согревать
Нас снегириный отсвет жаркий.

Я вижу свет. Так тих твой дом!
И я хочу его покоя.
Нас будет двое за столом,
Всего-то на всего-то двое.

Приткнется ночь к теплу окна,
Огонь в печи подёрнет пеплом,
И будет терпким вкус вина,
Как наша встреча, сладко-терпким.

Ещё три шага до ворот,
Рукой – до ставня – так немножко!
...Да сотни верст. Да долгий год,
Мой свет единственный в окошке.

ВЕТЕРАН

*Инвалиды и участники войны
Обслуживаются вне очереди.
Объявление в магазине.*

Ему к утру приснился арналёт.
Накрыло снова их на том пароме,
А утром не глядел и на барометр:
Спиною чуял: нынче снег падёт.

Замедленно ботинки шнуровал
И шёл, как штык, прямой. Не видел город,
Что шла с ним боль. Ждала – унижить гордость
Того, кто кёнигсберги штурмовал.

А в магазине – очереди рать,
И в полный рост – молочная проблема.
И очередь, едва что не болела,
Что было сердце не на ком сорвать.

Привычной осторожностью налит,
Он той, другой, опасности не слышал,
С печатями неловко вынул книжку,
Всем признаваясь в том, что инвалид.

И было полсекунды тишины,
И голос вдруг, скучающе безликий:
«А ты б, папаша, – в хвост! Не из великих!
Тут много вас, кормящихся с войны!»

Он слушал обвиненье, не дыша,
Что выжил там, где пали остальные,
И боль – не та, левей, и не навyleт,
И не осколком – пулею вошла.

Он тихо поворачивался с ней
На голос тот. Лицо мелело, стыло.
Успел понять, что он – на той войне,
И кто-то свой в упор ударил с тыла.